

18+

Тайна золотого эшелона

Максим Шпагин
Антиквар

Максим Шпагин

Антиквар. Тайна золотого эшелона

«Издательские решения»

Шпагин М. В.

Антиквар. Тайна золотого эшелона / М. В. Шпагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930389-9

Осень 2012 года. Четыре, несовместимых вроде бы человека, объединяются, чтобы найти золотой запас Российской империи, исчезнувший на просторах Сибири в 1919 году (золото Колчака). Причем первые трое оказываются потомками (внуками) трех особо доверенных лиц Верховного правителя, которые прятали золото. И им предстоит расшифровать знаки, в которых предки зашифровали путь к сокровищу.

ISBN 978-5-44-930389-9

© Шпагин М. В.
© Издательские решения

Содержание

Антиквар	6
Введение	6
Глава 1. Пришелец из прошлого	8
Глава 2. Трое из конвойной сотни	13
Глава 3. Тайна, разделенная на три части	16
Глава 4. Антиквар	20
Глава 5. Реставрация скальпелем	22
Глава 6. Рождество Богородицы	27
Глава 7. Арест	32
Глава 8. Обвинение	38
Глава 9. Так вот ты какой, тамбовский волк...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антиквар
Тайна золотого эшелона
Максим Валерьевич Шпагин

© Максим Валерьевич Шпагин, 2020

ISBN 978-5-4493-0389-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антиквар Тайна золотого эшелона

*«Я служил не той или иной форме правительства,
а только Родине своей, которую ставлю выше всего».*
А. В. Колчак

Введение

- Ты хотя бы понимаешь, что тебя теперь нужно убивать?
- Чего сразу убивать-то?

В большом деревенском доме поселка Макарьево Нижегородской области разговаривали двое. Хозяйка, собиравшая в соседней комнате поздний ужин, могла видеть их через полуоткрытую дверь. То есть специально она не присматривалась, но в процессе перемещений по кухне, время от времени бросала взгляд в сторону говоривших. А разговор, начавшийся вполне обыденно, но потом возвысившийся до громкого спора, она могла слышать почти дословно.

Старший из говоривших (лет примерно шестидесяти, одетый скорее бедно, чем скромно, и явно повывавший в жизни всякого) приезжал часто и был ее любимым постояльцем. Потому что в быту не привередничал, с водкой не безобразничал, а платил щедро.

Этот, старший, говорил напористо и держался хозяином. Второй собеседник, хотя и был значительно моложе, на голову выше и заметно шире в плечах, в основном оправдывался и казался изрядно обескураженным.

– Чего убивать-то? – повторил он. – Мы к тебе со всем уважением...

– Ну да, – непримиримо мотнул головой старший. – Со всем уважением подставили по полной программе. Меня теперь или вместе с вами заметут, или притянут за то, что знал о преступлении и не сообщил. Как думаешь, мне это надо?

Между спорящими, прислоненная верхним краем к стене, стояла большая, высотой примерно метра полтора, алтарная икона в роскошном серебряном окладе. Владимирская богоматерь с житийными клеймами.

– Да почему подставили? – не унимался молодой крепыш. – Ты посмотри какая работа! Какая ювелирка! Тут одного только серебра больше десяти кило.

– А ты мне ее как лом собираешься продавать?

– Зачем как лом? Смотри, красота какая. Уникум!

– В этом и дело. – Старший, устав от непонятливости собеседника, опустил на стул и подпер голову руками. – Завтра, когда пропажа обнаружится, здесь полиции будет больше, чем на митинге с выступлением губернатора. Вы ее даже из деревни не вывезете.

– Да ты только скажи, – взмахнул рукой молодой и энергичный, – я ее тебе прямо на дом принесу. Лично. На хребте через тайгу, в обход всех постов. Ни один мент не прочухает.

– Ладно, хорошо. Допустим, я ее у вас купил. Что дальше?

– Ну, продашь барыге какому-нибудь. Ты ж там всех знаешь... Она ж миллионы стоит!

– Да кто ее возьмет за миллионы-то? Это все равно, как Мону Лизу из музея спереть. Ее и дома оставлять нельзя и показывать никому нельзя. Потому что хоть сто, хоть двести лет искать будут и не остановятся, пока не найдут.

– При чем тут Лиза какая-то? – возмутился молодой. – Ты про дело говори.

– Говорю про дело: за настоящую цену никто эту икону у вас не возьмет. Потому что ее надо будет лет на триста спрятать куда-нибудь в подвал. Причем не факт, что и через триста лет ее кто-нибудь не опознает, как краденую. Как думаешь, много покупателей найдется при таких условиях?

– И чё ты предлагаешь? – мрачно спросил крепыш.

– Самое лучшее, что вы можете сделать – отнесите икону к церкви, откуда вы ее утащили, и там оставьте. Тогда, может быть, останетесь на свободе. Иначе и сами сядете, и меня за собой утянете.

– То есть ты нам помогать не хочешь?

– Если будете делать такие глупости, вам никто не поможет. А если по уму, то тебя лучше всего было бы убить, чтобы и разговора этого между нами не было, и чтобы никто не сказал, что я с вами каким-то краем связан.

– Это твое последнее слово?

– Да.

– Пожалеешь.

– Уже жалею. Не надо было с вами, хитромудрыми, связываться.

Глава 1. Пришелец из прошлого

Звонок был размещен на столбе возле калитки. Невысокий темноволосый человек солидного (хорошо за 50 лет) возраста, одетый по европейской моде, заглянул в блокнот и, видимо удостоверившись в правильности адреса, решительно нажал на кнопку.

Никаких электрических звуков не послышалось. Зато разом, словно их включили этим нажатием, из-за дома, гремя стальными цепями, вылетели и яростно забрехали два огромных пса-алабая*.

* Алабай – Крупные собаки грубого, крепкого типа конституции. Высота в холке для кобелей от 65 см, для сук от 60 см. Голова массивная, с развитыми скулами, на короткой, мощной шее. Вокруг шеи толстая шкура собирается в складки. Уши и хвост обычно коротко купируют. Шерсть густая, грубая, прямая. Характерно наличие гривы, очесов, штанов. Наиболее распространенный окрас – белый с отметинами и без, а также черный, тигровый, серый, рыжий, пятнистый. Выносливы, неприхотливы, переносят жару и холод, недостаток пищи и воды, могут совершать длительные переходы. Используются как пастушьи и караульные собаки.

Псы рвались с привязи, хрипя и задыхаясь в ошейниках, так что оставалось только надеяться, что стальные цепи достаточно прочны.

Собачье гроыханье произвело впечатление. Гость слегка отступил и принялся ждать в некотором отдалении. Через пару минут его терпение было вознаграждено. На крыльцо в дырявой футболке и просторных парусиновых штанах вышел хозяин дома. Был он коренаст, стрижен под миллиметр и имел выражение лица, не располагающее к общению.

– Чего тебе, добрый человек? – спросил он безо всякой теплоты в голосе. – Дело какое есть, или приключений ищешь?

– Приключений? – встрепенулся гость. – О да.

– Они иногда бывают довольно болезненными, – предупредил хозяин.

– Э?

– Болезненными, говорю, – повторил вышедший, чуть повысив голос. – Потому что кроме собак у меня еще имеется карабин и помповое ружье «Рысь».

– О! А сабля? Сабля е?

– Чего? – обладатель дырявой футболки и помпового ружья в удивлении даже приспустился с крыльца на две ступеньки. – Ты кто такой?

– То не главный вопрос.

– Ладно. Какой главный?

– Радола Гайда. Ведаете?

Радола Гайда. Командир Сибирской дивизии Колчака

– Хм... – Стоящий на крыльце вдумчиво почесал лоб и внимательнее взгляделся в пришельца. – Не думал, что когда-нибудь снова услышу это имя. А ты что, иностранец?

– С Чехии.

– Надо же. А на вид совсем, как нормальный человек... Ладно, заходи в дом. Посмотрим, что у тебя за приключения.

Пройдя за мрачным хозяином в тесно заставленную какими-то коробками прихожую, пришелец переобулся в предложенные тапочки. При этом снятые ботинки пришлось оставить возле засунутого под лавку черепа огромного доисторического быка, могучие рога которого имели размах почти в два метра и за прошедшие столетия ничуть не утратили прежней грозной крепости.

– Сюда иди, – позвал домовладелец, успевший удалиться по лабиринту коридора.

Гость, с любопытством рассматривая мебель (справа плотно стояли резные шкафы из орехового купеческого гарнитура, слева – высоченный дубовый буфет XIX века) прошел на зов.

– Присаживайся, – обладатель парусиновых штанов жестом указал на кресло напротив окна, а сам, согнав со стула вальяжного белого кота, уселся напротив. – Слушаю тебя.

Демонстрируя принадлежность к европейской цивилизованности, пришелец извлек из сумки планшет и, поведив по нему пальцем, вызвал на экран черно-белую фотографию.

– Архивное фото, – сообщил он, разворачивая изображение к собеседнику. – Написано: «Екатеринбург, 1919 год». То, – (он указал пальцем), – Радола Гайда. То – его бодигард.

Екатеринбург. 1919 год

Хозяин дома с любопытством всмотрелся в предлагаемую картинку.

– Ага. Вот этот черненький? На саблю опирается?

– Так.

– Угу. И что дальше?

– То – мой дед, – просто сообщил гость.

– Ишь ты... А ты, стало быть, внук?

– Так.

– И как же тебя зовут?

– Володзимеж Бур-Езёраньский.

– О как. А попроще?

– Можно просто Володя.

– А я Юра.

– Очень приятно.

– Угу. Стало быть у этого черненького фамилия Бур... Как ты там сказал?

– То не его имя. В 1945-м, когда в Чехии стал социализм, Гайда арестован. Дед велел менять имя. Моя мать – полька, поэтому, когда я родился, меня записали на польское имя.

– Понятно. А от меня-то ты что хочешь?

– Радола Гайда был командующим Сибирской армией Колчака. У Колчака был свой личный бодигард. Его имя... – тут чешский гость извлек из кармана блокнот и, раскрыв его на первой закладке, с видимым трудом прочел: – Тимофей Каледёнков. Ведаете то имя?

Тимофей Сергеевич Каледёнков. Кавалергард

Хозяин дома не ответил. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на пришельца расширившимися глазами.

Глава 2. Трое из конвойной сотни

Европейский гость говорил по-русски бегло, но с забавным, как бы старославянским акцентом. Убедившись, что пришел он к нужному человеку, чешский Володя с непроизносимой польской фамилией поведал следующую историю.

– Радола Гайда. Ведаете?

Радола Гайда. Командир Сибирской дивизии Колчака

Поздней осенью 1919 года, когда стало ясно, что силы Сибирской армии иссякли, а союзники в очередной раз всех предали, Александр Васильевич Колчак пригласил в штабной вагон трех бойцов из знаменитой конвойной сотни.

В эту сотню, личный конвой Верховного правителя Российской империи, набирали представителей элитных воинских подразделений прежней царской армии. Все они были потомственными воинами, способными метко стрелять на скаку, рубить саблями с двух рук, а в седле держались так, словно там и родились.

Почти все прошли войну, и боевой путь их был отмечен георгиевскими крестами*, выдаваемыми исключительно за храбрость. Причем многие имели все четыре степени этого ордена – полный бант.

**ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ, награда в Российской империи. Учрежден в 1807 для награждения нижних чинов – солдат и унтер-офицеров, исключительно за боевые заслуги. Официально называется Знаком отличия военного ордена Святого Георгия. С 1856 Знак был разделен на четыре степени. 1-я и 2-я степени чеканились из золота, а 3-я и 4-я – из серебра. Награждение производилось с низшей, 4-й степени. Знаки 1-й и 3-й степеней носились на ленте с бантом.*

Но среди тех троих, кого пригласил к себе Верховный правитель, только один имел военный опыт. Двое других были рядовыми солдатами безо всяких знаков отличия. Они никогда не ходили в атаку и вообще не участвовали в боевых действиях. Дело в том, что воинская часть, в которой они несли службу до момента отречения государя-императора, квартировалась в Царском селе и в XX веке ни разу не покидала места своей дислокации. Именовалась эта часть сложно и пышно: Лейб-гвардии кавалергардский Ея Императорского Величества вдовствующей императрицы Марии Федоровны Царскосельский полк. Единственной задачей данного элитного подразделения была охрана императора и царской семьи.

Итак, трое из конвойной сотни. Один офицер и два кавалергарда. Колчак долго перебирал кандидатуры, прежде чем остановился на этих трех воинах. Задача, которую им предстояло выполнить, находилась не просто на грани человеческих возможностей, но, в значительной мере, выходила далеко за этот предел. Поэтому требовалась не только абсолютная надежность, но и умение выживать в любых ситуациях.

Никакого гусарства, никакого стремления красиво умереть, внушая врагам трепет своим бесстрашием и невозмутимым презрением к смерти. Александру Васильевичу требовались люди, обладающие фантастической выносливостью, способные годами терпеть и ждать. Потому что с ними он намеревался отправить восточку в будущее.

Какое же послание хотел отправить Верховный правитель далеким потомкам?

Догадаться не трудно.

Когда началась Первая мировая война, золотой запас Российской империи, составлявший несколько десятков тонн золота в слитках и золотой монете, был вывезен подальше от фронта. В Казань.

Эта мера предосторожности оказалась далеко не напрасной. В 1918 году, когда большевики начали энергично прибирать к рукам все богатства прежней династии, они не смогли дотянуться до главного сокровища. Потому что Казань и заполненные золотом подвалы Казань-

ского банка остались в руках белой армии. Позднее, когда вся полнота власти в Сибири и на Урале перешла Колчаку, избранному Верховным правителем Российской империи, ему были переданы и все ценности.

Так началась обросшая затем многочисленными легендами история об эшелоне, наполненном золотыми слитками, и о золоте Колчака, следы которого затерялись в безбрежных просторах Сибири.

Но вернемся в позднюю осень 1919-го, в штабной вагон, где состоялась встреча адмирала с тремя его особо доверенными телохранителями.

Было сказано:

– В своей стране нельзя вести войну с противником, готовым сражаться до полного истребления.

– Золото империи должно быть сохранено.

– Сколько бы ни пришлось ждать, будь то годы или десятилетия, но придет время, когда Россия возродится и к власти придет законный правитель. Ему и только ему должно передать тонны золота, принадлежащие стране и ее народу.

– За слитками будут охотиться бесчисленные авантюристы. Поэтому заблаговременно оставлено несколько ложных следов. Все они ведут в никуда.

– Настоящую тайну будете знать только вы трое.

– Тайну необходимо разделить на три части, чтобы ни один из вас под пытками или при угрозе жизни дорогих вам людей, не в состоянии был бы выдать палачам полное знание.

– Только собравшись вместе, вы или (если так сложатся обстоятельства) ваши потомки будете способны найти сокровенное место.

– Действовать надлежит лишь тогда, когда придет время. А до той поры ваша задача выжить. Что бы ни случилось, молчать, терпеть и хранить тайну. Потому что в ней сокрыто будущее России и грядущее ее возрождение.

* * *

Европейский гость закончил рассказывать и откинулся в кресле, ожидая ответной реакции собеседника. Тот несколько минут сидел молча, потом сообщил:

– У меня тоже есть пара архивных фото.

И удалился вглубь своей территории. Чех остался в комнате один под присмотром матерого белого кота, который теперь расположился на затиснутом в угол антикварном диване с потертой парчовой обивкой. Кот казался дремлющим, но чуткое движение ушей и подергивание кончика хвоста свидетельствовали о том, что обстановку он контролирует полностью.

Вернулся хозяин и выложил на стол потрепанную канцелярскую тетрадь большого формата, из которой после некоторых поисков извлек два фото. На первом был запечатлен кавалергард с золотым шлемом, сидящий на вороном коне. На втором – Колчак в окружении офицеров штаба. На переднем плане справа отчетливо был виден боец конвойной сотни – молодой, но суровый.

– А вот это – мой дед, – указал домовладелец. – Тимофей Сергеевич Каледёнков.

– У вас русских такие трудные имена, – пожаловался гость.

– Кто бы говорил...

Глава 3. Тайна, разделенная на три части

– Стало быть, ты полагаешь, – хозяин с простым русским именем Юра расставил на столе чашки с чаем и вазочки с печеньем и жестом предложил гостю угощаться, – ты полагаешь, что сейчас, в октябре 2012-го, пришло нужное время, в России, наконец, восстановлена законная власть, и мы должны передать тайну Колчака нынешнему президенту. Я правильно понял?

– Передавать или не передавать – второй вопрос. Сначала надо эту тайну знать. Ты ее знаешь? – чешский гость вопросительно уставился на хозяина.

– Нет.

– И я нет. Между тем, мы уже не юноши, и я не уверен, что лет через десять-двадцать сумеем исполнить все, что потребуется для изучения загадки и хранения завещанного золота. Кстати, говорят, в вашей стране собираются восстановить монархию?

– А ты что-то чисто по-русски заговорил. Раньше все на чешский сбивался...

– Я волновался.

– А-а... Ладно. Допустим, мы решили найти все, что там было спрятано в 1919 году. Но как? Лично мне дед ничего о золоте Колчака не говорил. И на должность хранителя никак меня не готовил.

– А как он должен был готовить? Ударить шапкой об пол и сказать: вот, дескать, внучек так и так... И написать на твое имя заявление в трех экземплярах.

– Хм... – хозяин задумчиво глотнул чая. – Пожалуй.

– Кстати, твой дед как умер: после болезни и в окружении родственников или один и внезапно?

– Ну, ты прям ясновидец...

– Значит, один?

– Да. Ему под 80 было. Говорили, что упал с крыльца и сломал ребро. Острый обломок кости пробил легкое, и в деревенской больнице ничего не смогли сделать.

– А перед смертью он говорил что-нибудь?

– Говорил. Только глухая бабка, которая за ним ухаживала, не разобрала слов. Или не поняла. Дед несколько раз попытался втолковать ей что-то, но потом понял, что это бесполезно и заплакал.

– Вот!

– Чего «вот»? В любом случае след потерян, и спросить теперь некого.

– Недооцениваешь ты предков. Тайна такой важности должна была иметь несколько уровней защиты. Пусть твой дед не успел ничего сказать, но наверняка оставил какой-то знак. Это может быть вещь, памятка... Кстати, я спрашивал о сабле. У тебя есть?

– Ну, ты скажешь... – Юрий возмущенно вскинул ладони. – Есть, конечно.

– Неси, поглядём.

Гурда

Хозяин дома пожал плечами и в очередной раз удалился в недра своего неисчерпаемого жилища. На этот раз он вернулся, неся в руках длинный, хищно изогнутый клинок восточной стали.

– О! – оценил гость. – Гурда*?

* *Гурда*

– *восточные клинки, встречающиеся теперь довольно редко и высоко ценимые на Кавказе. Клинок превосходной стали, широкий, мало искривленный, с широкой, но не глубокой долой посередине, за которой, к стороне обуха, еще две более узкие, но и более глубокие. Клеймо состоит из двух обращенных рогами в противоположные стороны полумесяцев. На узких долах обыкновенно имеются небольшие прямоугольной формы углубления (иногда называе-*

мые «точками»), означающие, если верить рассказам, или число врагов, убитых владельцем клинка, или число схваток, в которых он участвовал.

– Плохого не держим. – Юрий устало опустил на свое место. – Ты, кстати, поосторожней, ей бриться можно.

Предупреждение, увы, запоздало. Чешский Володя прикосновением пальца попробовал оценить качество лезвия и мгновенно порезался.

– Да что ты, как ребенок!

Порез, нечувствительный из-за исключительной остроты сабли, стремительно набух крупной вишневым каплей крови.

– Не дергайся, сейчас все тут закапаешь!

– Ничего. – Гость извлек из кармана большой носовой платок и ловко замотал пострадавший палец. – Не думал, что ты держишь ее в боевом состоянии.

– Не держал. Просто недавно решил пофехтовать немного. Попробовать, как она будет в руке.

– Удачно?

– Как видишь, себе ничего не отрубил. – Хозяин помедлил, потом нехотя добавил: – Соседская сирень – не в счет.

– Сосед не возмущался?

– Ни капельки. Он только посмотрел на меня, стоящего в огороде с обнаженной саблей, и грустно так сказал: «Осторожнее, Юрий Владимирович».

– Заботливый.

– Тут все такие.

– Ладно, – гость аккуратно сдвинул чайные чашки и блюдечки в сторону и поместил на освободившееся место принесенную саблю. – Давай посмотрим.

– Что ты собираешься обнаружить? – Через плечо русского чеха хозяин дома склонился над саблей, чтобы видеть ее в том же ракурсе.

– Мой дед объяснял, что некая надпись была разделена на три части. Часть букв размещалась на рукоятках, другая – на лезвиях трех сабель. Собрав их вместе, надпись можно прочесть и получить первый ключ к разгадке тайны.

– То есть вдвоем мы все равно ничего не сделаем?

– Нет. Такое было условие. Но свою саблю я привез, и, кроме того, дед пояснил мне, как найти третьего.

Чешский гость перевернул саблю и внимательно осмотрел рукоять.

– Похоже, ты ее реставрировал?

– Естественно.

– Старую рукоять не сохранил?

– Поясняю. В нашей стране казачество искореняли как класс. Поэтому если кто в деревнях и хранил фамильную саблю*, то держали ее не открыто, а прятали. Чаще всего на чердаке, под слоем стружки, которую насыпали на потолок для теплоизоляции.

Этот клинок я нашел на пепелище. После того, как дом деда сгорел.

– О как, – поднял брови Володя. – Новости поступают так стремительно, что не успеваешь реагировать. Значит, дед твой, входивший некогда в элиту лучших бойцов России, неловко упал с крыльца. Да так неудачно, что осколком ребра пробил себе легкое. Дом, где он мог хранить что-то важное, внезапно сгорел... Просматривается тенденция, ты не находишь?

– Клинок в огне уцелел, – ровным голосом продолжил хозяин, не позволив себе отвлечься на эмоции, – а все остальное... В общем, пришлось реставрировать.

– символ всей полноты прав у казака, а также обладание им паевым земельным наделом. Вручалась казаку стариками в 17 лет (за особые заслуги раньше) без темляка. В 21 год

при отправке на службу казак получал погонны, кокарду и темляк. ***ШАШКА, ПЕРВОНАЧАЛЬНО САБЛЯ**

В церкви, в момент слушания Евангелия, шапка обнажалась на половину, что означало готовность казака стать на защиту христианства. Сохранялась в семье на видном месте. Передавалась от деда к внуку, когда «старик терял силы» и менял шапку на посох.

Если в роду не оставалось наследников, шапка ломалась пополам и укладывалась в гроб умершему.

Шапку и шапку казак мог потерять только вместе с головой.

На Кругу голосовали шапками. Не обладающий полноправием шапку носить не смел.

По решению Круга казак мог быть лишён права ношения оружия. Следующим наказанием было исключение из станицы и казачества.

Чех встал и прикинул саблю в руке.

– Вроде чуть коротковата. Индивидуальный заказ?

– Нет. Просто кончик был обломан. Ну, я сточил аккуратно, чтобы не слишком бросалось в глаза.

– Понятно, – европеец сел и уложил оружие на стол. – Значит, буква, которая была на рукояти, теперь утрачена. Но на клинке... У тебя лупы не найдется?

– Да как не быть...

Не вставая с места, Юрий потянулся к ближайшему шкафу и, почти не глядя, извлек из ящичка увеличительное стекло.

– Пожалуйста.

Чех, усилив зрение оптическим приспособлением, еще раз тщательно осмотрел предъявленный клинок и удовлетворенно угукнул.

– Что же, два символа «А» и «Н» видны вполне отчетливо. Вот, взгляни.

Буквы на клинке

Хозяин привстал и посмотрел через лупу на указанное место на сабле.

– Я думал, это клеймо мастера.

– Возможно, так и есть. Но видна правка – вторая буква выглядит неуклюже, как будто ее переделали из той, что была первоначально. Согласен?

– Ну, – хозяин дома, поизучав некоторое время надпись, согласно кивнул. – Возможно. Что это нам дает?

– Большую часть шифровки. На моей сабле три буквы: на рукояти «А», на клинке – «Т» и «О». На твоей – еще две буквы: «А» и «Н».

Чешский гость выписал все названные символы на страничку своего блокнота и продемонстрировал собеседнику.

– Что-то слово не складывается, – сообщил тот, попытавшись так и сяк скомбинировать буквы.

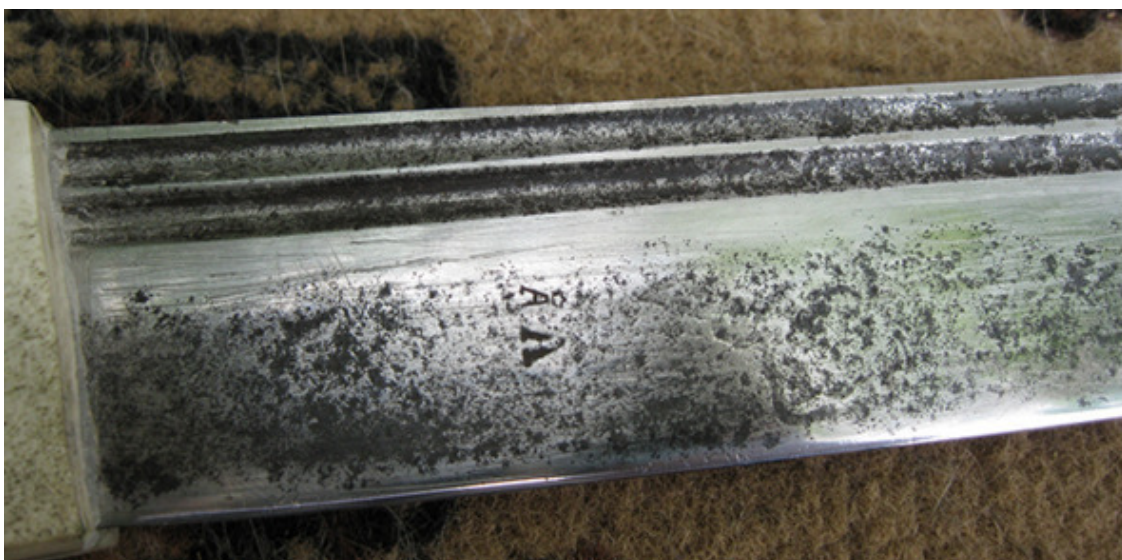
– Не беда. Все решится, когда найдем третьего.

– Значит мы, как Дунканы Макклауды из фильма «Горец», будем шараться по стране с саблями наперевес...

– Ну-ну, не так все плохо. Мой дед подробно объяснил, как найти каждого из вас. Сейчас нас уже двое. А с третьим будет совсем просто. У него редкая фамилия – Забейлоб. И жить он должен в центре России.

Хозяин дома распрямылся и мысленно представил себе карту необъятной нашей Родины.

– Хм, – произнес он после некоторого раздумья. – А ты, как я погляжу, оптимист.

Глава 4. Антиквар

Чтобы не мешать домашним справлять повседневные дела, Юрий пригласил гостя перейти в свою мастерскую.

Это помещение тоже было плотно заставлено старинной мебелью разной степени сохранности, а на стенах (там, где еще оставалось свободное пространство) теснились иконы, какие-то картины в причудливых резных рамах и выцветшие гобелены с рыцарями, замками и прекрасными девами.

– Ты олигарх? – спросил гость, с порога оценив примерную стоимость коллекции.

– Угу, – недовольно буркнул хозяин. – Абрамович – мое второе имя.

– Я серьезно.

– А есть разница?

– Разумеется. Олигархи, как правило, народ крайне занятой. Им иногда пописать отойти некогда, так с трубкой в сортир и идут. А нам потребуется уехать на несколько недель. Возможно, даже на полгода...

– Не переживай. Я антиквар.

– М-м-м, – протянул гость, пристраивая новую информацию к своим прежним представлениям и продолжая осматриваться. – Не бедный, как я погляжу, антиквар.

– Скромный. А главное – сам себе хозяин.

– Да, но тут по самым минимальным подсчетам...

– Остановись, – перебил домовладелец. – Представь, что ты Андрей Рублев. Слышал такое имя?

– А бывают такие, кто не слышал?

– Бывают. Так вот. Сейчас его иконы стоят состояние. Но когда он сел за работу, то икона обходилась ему в стоимость обработанной доски, набора кистей и нескольких банок с краской. Верно?

– Согласен. В живописи главное не себестоимость материалов, а работа мастера. Но ведь эти иконы писал не ты?

– Я их реставрировал.

– О!

– Да. И не стой столбом, садись. Мы же работать собирались. Или нет?

Чешский гость аккуратно протиснулся к столу, указанному хозяином (16 век, ореховая столешница с причудливым узором древесных завитков) и разложил перед собой планшет и набор канцелярских принадлежностей.

– Итак, – произнес хозяин, прохаживаясь по узкому, свободному от раритетов проходу и чудом не цепляясь за расставленные тут и там ценности. – Ты сказал, что третий наш товарищ проживает в центре России. Так?

– Верно.

– Но что считать центром? Москву? Центральный федеральный округ, включающий 16 областей? Или будем карту страны линейкой мерить и искать географический центр?

– Дед пояснял, что его указания точны.

– Он, наверное, спутал Россию с Чехией.

– Ты забыл, мой дед – русский.

– Тогда просвети меня, бестолкового, где будем искать.

– Запросто. – Чешский наследник поводит пальцами над планшетом и вызвал на экран Интернет-страничку, наверху которой красовался жирный заголовок: «Лысково – центр европейской части России».

Стелла на въезде в город

– Ну-ка, ну-ка... – антиквар заинтересованно склонился над электронной принадлежностью. – Лысково? Я знаю этот район.

– Пожалуйста, – чешский гость слегка развернул экран в сторону собеседника и с чувством зачитал: – «По географическим картам можно определить, что граница Нижегородской области с севера достигает 58 градусов, 6 минут северной широты, а с юго-востока и юга – 54 градуса, 21 минуту той же широты. Следовательно, эта область, и в особенности Лысковский район, занимают центральное положение на Русской или Восточно-Европейской равнине.

Более точно – географический центр Европейской части России находится в пределах села Кириково Лысковского района».

– Кириково... – задумался антиквар. – Почти на федеральной трассе.

– Тебя это почему-то беспокоит?

– Не то чтобы... Просто недавно у меня в этом районе было неприятное происшествие.

– Очень неприятное?

– Ну, как посмотреть... Может обойдется, а может и нет.

Гость сложил руки перед собой и постарался заглянуть в глаза хозяину.

– Юра, – проникновенно произнес он, – вот все это богатство вокруг... Нет-нет, не горячись, я просто должен знать... Юра, ты не связан с криминалом?

– Да нет, ну что ты... У меня же лицензия на оружие. Думаешь, такой документ выдают всем, кому попало?

– То есть все справнэ, и никакого криминала нет?

– Абсолютно верно.

– Я рад.

– Но в прошлом, – дополнил хозяин, открыто глядя в глаза, – я трижды судим. И потому в некоторых кругах до сих пор считаюсь особо опасным рецидивистом.

Глава 5. Реставрация скальпелем

Последняя фраза оказала на гостя поистине ошеломляющее воздействие.

– Тише, тише, – хозяин аккуратно сел напротив и успокаивающе похлопал по столу мягкой ладонью, – Не надо так дергать головой. Твой Гайда, например, тоже хлебал тюремную баланду после 1945 года. А Колчака вообще расстреляли. Я, как ты понимаешь, таких высот не достиг. Подрасстрельных статей у меня не было.

– А, – просветлел ликом пришелец из Чехии, – так ты политический!

– Увы. Первый срок у меня за драку, я тогда еще молодой был. Второй... тоже, в общем, за драку. А третий – за орден Ленина.

– Ты был награжден?

Судя по остолбенелому виду чешского Володи, он полностью потерял ориентацию в пространстве и сейчас лихорадочно пытался выстроить новую картину мира. Но безуспешно. Слишком все казалось противоречиво.

– Слушай сюда, европеец, – хозяин постарался зафиксировать взглядом зрачки смятенного собеседника. – Ты наши законы знаешь?

– Э-э... В общих чертах.

– Тогда поясняю. За продажу или покупку любых наград советского времени предусмотрено наказание по статье 324 УК РФ. То есть это – уголовное преступление.

– Зачем же ты...

– Не перебивай. По роду деятельности мне много приходится ездить по разным городам. Потому что заранее никогда нельзя предсказать, где именно попадется что-то интересное. И вот как-то в Ульяновске подходит ко мне старичок... А погода была самая скверная – холод, пронизывающий ветер, нудный дождь... Стоит этот старик передо мной и с умоляющим выражением протягивает орден Ленина. «Вот, – говорит, – внучке на свадьбу подарок хочу сделать, а денег нет. Не поможете ли?»

Ну, я посмотрел. Орден в полном порядке, в родной коробочке... А холодно! Старик стоит под дождем, ветер седые волосенки треплет...

В общем, пожалел я его.

Но только отдал деньги, как из засады выскакивает ОМОН, спецназ, оперативники, следователь с понятыми... Целая толпа. Выволакивают меня из машины с таким рвением, будто я Усама бен Ладен, взорвавший пол-Америки, и тащат в кутузку.

– Много дали?

– Условно. Но руку при задержании сломали.

– И вы не жаловались? – поразился чех.

Хозяин дома крикнул и посмотрел жалостливо.

– Чудной ты, – сказал он. – Я же судимый...

– Угу.

Гость опустил голову и некоторое время сидел молча. Видно было, что в нем боролись противоречивые чувства. Хозяин тоже молчал и не делал никаких попыток разрешить облегчить ему принятие решения.

– Послушайте, – чех с видимым усилием поднял взгляд и тут же снова отвел его в сторону. Но преодолел себя и заставил смотреть прямо в зрачки собеседника.

– Послушайте, – повторил он. – Тайна Колчака – дело, в котором не может быть недо-молвок. Или я абсолютно уверен в напарнике, или мы расходимся, и я действую один.

– Резонно.

– Поэтому или ты расскажешь мне искренне и без утайки все о своей жизни, или...

– Я понял.

– Тогда говори.

– Ну, – Юрий чуть усмехнулся и сделал слабый отрицательный жест. – Все рассказывать слишком долго. Давай конкретнее, по эпизодам. Что тебя больше всего цепляет?

– Хорошо. – Чех встал и обличающе указал ладонью на большую икону с Богородицей. – Вот это, насколько я могу судить, работа Симона Ушакова. По сути – народное достояние. И место ей, по самым скромным оценкам, не здесь, а в Третьяковской галерее. Но она у тебя. Почему?

Против ожиданий, хозяин дома не смутился, а скорее обрадовался.

– Ты, я смотрю, разбираешься в иконописи?

– Я историк. Диссертацию защищал по русской культуре. Но мы уходим от темы.

– Ладно.

Юрий помолчал, как бы восстанавливая в памяти прошедшие события и начал рассказ:

– Началась эта история с того, что мне позвонил антиквар из соседней области и сказал, что у него имеется редкий стальной самовар. Такой самовар сейчас практически нигде не встретишь. Сталь сильнее подвержена ржавчине, так что сохранившийся экземпляр по любым меркам – уникам.

Разумеется, я поехал.

А там смотрю, у него в подсобке, лицом к стене, стоит большая икона, высотой больше метра и шириной сантиметров в 70. Я спрашиваю: «Что такое?». Да вот, говорит, купил, а теперь не знаю куда деть. Стоит три года, никто не берет. Доска старая, XVI век, а живопись новая, начала XX века. В общем, пустышка.

Я посмотрел.

Когда берешь такие иконы, всегда есть вероятность, что под верхним слоем сохранилась старая живопись. Но зачастую мастер, поновляющий икону, уничтожал старый слой. Острым ножом или шилом чиркал крест на крест на старом левкасе* решетку... Ну, типа как под штукатурку раньше решетку делали, чтобы прочнее держалась.

Сверху накладывал новый грунт и на нем писал. Понятно, что при таком поновлении, ничего прежнего сохраниться не могло.

**ЛЕВКАС (от греч. leikos – белый), меловой грунт в русской средневековой живописи.*

Но если старый левкас не крошился и держался прочно, мастер мог просто наложить свою живопись поверх старой. В таких случаях нижний слой иногда чуть заметно проступает таким слабым рельефом.

А в той иконе, что показал мне антиквар, никаких рельефов не наблюдалось. Более того, владелец несколько раз показывал свое приобретение разным специалистам. Те смотрели так и сяк, но пришли к выводу, что нижнего слоя не существует. Так что имелась только старая доска и весьма посредственная живопись начала XX века.

Меня антиквар этот спрашивает: «Может возьмешь?». А я еще собирался по делам в другую область ехать. Икона большая, в машину еле-еле убирается. И я сказал, что заберу на обратном пути. «Только уж не обмани», – беспокоился он. В общем, я дал задаток и уехал. На обратном пути забрал.

Дома стал смотреть подробно.

Изображена была Богородица с младенцем на руках. Живопись сделана маслом и вполне аккуратно. В общем, за скромную цену образ вполне можно было продать. Но я решил попробовать заглянуть чуть глубже.

Сложность состояла в том, что масляную живопись никакими растворителями трогать нельзя. Потому что можно повредить нижний слой. Но в первую очередь требовалось убедиться, что этот нижний слой существует.

Я сделал окошечко на полях – ничего нет, один левкас. Сделал еще окошечко в другом месте. Тот же результат. И третье окошечко – тоже пусто.

Неужели, думаю, в самом деле пустышка?

В конце концов, решил сделать окошечко на щеке изображения.

Точность тут требовалась ювелирная. Снятие слоя масляной живописи очень тонкий и трудоемкий процесс. Поскольку растворителями пользоваться нельзя, берут скальпель, точат его до остроты бритвы и начинают аккуратно, по миллиметру срезать. Причем очень осторожно! Надо очень сильно руку набивать, чтобы чувствовать, где можно срезать и сколько можно. Это самый сложный вид реставрации.

И, разумеется, цена вопроса была велика. Одно дело напортачить где-нибудь в стороне, где кроме фона ничего быть не может. Совсем другое – неосторожным движением изувечить изображение в районе лица.

В общем, я повязал на лоб повязку, чтобы, когда работаю, наклонившись, пот на икону не капал, и осторожнейшим образом взялся за скальпель.

И сразу пошла хорошая живопись!

Как оказалось, новое изображение было выписано точно по контуру старого. Поэтому на полях ничего не обнаруживалось. И рельеф не просматривался.

Но стоило мне раскрыть окошечко на щеке... Все, я стал работать.

Азарт, конечно же, был необычайный. Три месяца по восемь часов в день... Это ж почти квадратный метр площади иконы требовалось расчистить по миллиметру! И цена каждого движения была велика – нигде, ни разу нельзя было ошибиться.

С утра я входил, молился, надевал на лоб повязку и трудился до вечера, не разгибая спины. Другие бы сказали, что я работал, как каторжный, но мне это доставляло необычайную радость.

Когда миллиметр за миллиметром открывается то, что создано великим мастером в XVII веке, это такой восторг, что словами выразить невозможно.

А под конец, когда я уже завершал свой трехмесячный реставрационный марафон, открылась еще одна уникальная особенность этой иконы. Редкая даже для школы Симона Ушакова.

Икона работы Симона Ушакова

Взгляни, здесь удивительный, совершенно живой взгляд младенца Христа. Он написан был так, что в каком бы месте ты перед иконой ни находился, Спаситель смотрит прямо на тебя. Это завораживает. И дарит такую радость, что я, если бы потребовалось, готов был еще три месяца работать согнувшись, забывая об отдыхе, о еде... Такая удача бывает раз в жизни.

Антиквар замолчал и некоторое время сидел, опустив голову и вслушиваясь в свои ощущения.

Чешский гость не мешал и не торопил, потому что смотрел на возвращенную из небытия Богородицу, и понимал, что смотреть на нее можно бесконечно.

В дверь заглянула женщина (жена хозяина дома). Спросила заботливо:

– Вам чайку не принести?

Юрий восторженно:

– Да, принеси пожалуйста. И бутербродов.

Заполучив тарелку с добротной закуской, чешский гость не стал чиниться и воздал должное угощению. Но взгляд его то и дело уклонялся от застолья, фиксируясь то на одном, то на другом раритете, попадавшем в поле зрения.

– Знаешь, – сказал он, вдумчиво доедая последний бутерброд, – я всегда полагал, что встретить подобную редкость – все равно что выиграть в лотерею миллион. Но ты, похоже, выигрываешь в каждом тираже. Верно?

– Ну, – хозяин задумчиво почесал бровь, – иконы нельзя считать чем-то неодушевленным. Любого антиквара спроси – расскажет уйму историй о том, что иногда бегаешь-бегаешь за иконой, но она ни в какую... И, в конце концов, уходит куда-то к другому человеку. А ино-

гда даже не думаешь, не предполагаешь... Знаешь, что какую-то икону многие люди пытались найти, купить, но ничего не вышло. Проходит большое время, и вдруг, ты приехал, и тебе ее приносят. Совпадение? Не знаю.

– Ты считаешь, что образ Божией матери сам выбирает, кому явиться?

– Утверждать не возьмусь, но случаи бывают разные. Не все можно объяснить рационально.

– Например?

– Да вот хоть эта... – хозяин встал и указал на большую алтарную икону «Спас в силах».

Сюжет сейчас довольно редкий, так как для домов ее не писали.

Иисус изображен восседающим на престоле, в золотых одеждах, в окружении серафимов и херувимов, символизирующих его власть над миром.

Чисто церковная икона, и она находилась когда-то в центре иконостаса.

– А как к тебе попала?

– Тоже довольно необычно. Как-то в одном небольшом городке, подходит ко мне человек. «Ты иконы покупаешь?», – спрашивает. – «Да».

Оказалось, что он из фирмы, занимающейся сносом старых домов. И на чердаке они нашли большую, видимо алтарную икону, разбитую на две части.

– Почему «видимо»? – живо перебил чешский гость. – Ты же сказал, что «Спас в силах» чисто церковный сюжет...

– А сначала было непонятно, что там за сюжет. На доске на палец песок нахлобачился, пыль, паутина. Изображения практически не различить. Видно только, что красочный слой кое-где совсем осыпался, а в том месте, где доска раскололась напололам, тонкий слой левкаса и краски, лишенный опоры, висел в пустоте и мог обломиться в любое мгновение

И вот этот стройподрядчик говорит: «Посмотри у меня в багажнике Мы выкинуть хотели, а потом вспомнили, что ты покупаешь... Сколько дашь, столько дашь».

Я посмотрел: «Пять тысяч тебе хватит?» Он говорит: «Да ты что! Конечно хватит. Мы выбросить хотели, а тут пять тысяч».

Он мог бы и за 10 рублей ее отдать, и просто так отдал бы, потому что состояние было просто удручающее. Видимо, ее сначала прятали на чердаке, потом хозяева умерли, об иконе все забыли... В общем, образ считай что погиб.

Ну, я привез ее домой, сделал самодельные струбцины. Сначала потихонечку просушил, потом аккуратно, кисточкой стряхнул пыль. Потом на доски ее, струбцинами стянул, проклеил, опять стянул. Она у меня устоялась, проклеилась... И начал расчищать потихоньку, размывать... Результат ты видишь.

– Чудеса какие-то ты рассказываешь...

– Ну, знаешь, я при советской власти родился, в эпоху атеизма... Сам когда-то комсомольцем был. Но поскольку иконами занимаюсь почти 35 лет, много бывало случаев, заставивших призадуматься.

Чешский гость помолчал, потом прямо взглянул в глаза собеседнику.

– Завтра я еду в Лысково, – сказал он. – Составишь мне компанию?

Антиквар еле заметно улыбнулся.

– Ты знаешь, обычно я стараюсь не связываться с поисками кладов. Был, знаешь ли, неприятный опыт.

– Неприятный?

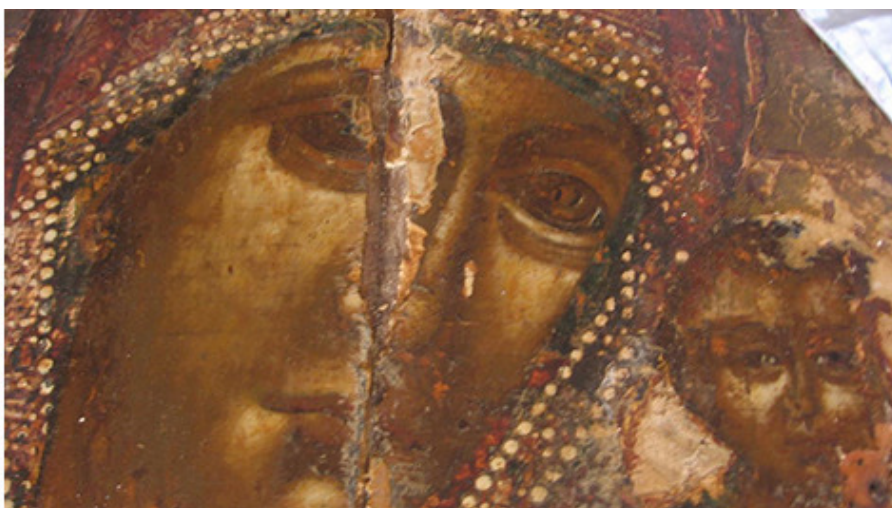
– Ну да. Убить пытались.

– О!

– Да. Но на этот раз, если мой дед был одним из хранителей... Я, пожалуй, рискну.

– Отлично. Тогда завтра в восемь я подъеду.

Мужчины встали и скрепили договор крепким рукопожатием.

Глава 6. Рождество Богородицы

На следующий день ровно в восемь утра яростный собачий лай возвестил, что пунктуальный европеец уже стоит у ворот.

Хозяин не заставил себя ждать и вышел, одетый для путешествия. Дырявую футболку он заменил на рубашку с эмблемами Олимпиады-80, а на голову водрузил бейсболку, относящуюся (судя по общей потрепанности) к той же спортивной эпохе. Парусиновые штаны остались без изменений. Довершала ансамбль короткая куртка чем-то неуловимо напоминающая телогрейку.

– Надеюсь, у тебя есть машина? – спросил чешский гость, обеспокоенный экипировкой напарника.

– Само собой.

Погремев ключами гаражного замка, антиквар широко распахнул ворота и явил на обозрение автомобиль марки «Жигули» седьмой модели со слегка помятым капотом, но, судя по настрою хозяина, вполне способный двигаться без помощи буксира.

– Какой пепелац, – оценил технику европеец.

– Ничего, – хозяин бодро завел двигатель и с некоторой даже лихостью вырулил из гаража. – Сейчас сиденья поправим, и можно ехать.

– Кхм, – гость переступил на месте, не решаясь нести свой весьма вместительный баул к транспортному средству. – Ты ее ремонтировал когда-нибудь?

– Разумеется! Я же ее купил сразу после капремонта. А в прошлом году еще и покрасил заново. Она раньше бордовая была...

– Это мощное улучшение.

– А ты думал, мы тут щи лаптем хлебаем?

– Помилуй бог, как такое в голову-то могло прийти.

– Тогда садись. – И хозяин, потянувшись вправо, бодро распахнул ржаво скрипнувшую дверцу переднего пассажирского сиденья.

Чех наклонился к баулу и заодно потащил из травы длинный плоский сверток, завернутый в черную ткань.

– Стоп, – встрепенулся антиквар. – Это что у тебя? Уж не сабля ли?

– Ну да. Я решил, что не стоит оставлять ее в гостиничном номере.

– Ну, ты точно Дункан Макклауд. А если нас досматривать будут? Отберут на первом же посту!

– У меня все документы в порядке. Я был членом сборной по фехтованию и...

– Короче, лучше оставить.

Юрий выбрался из машины и поманил европейского гостя вглубь гаража. Володзимеж вошел, озираясь.

Здесь, как и в доме, все было тесно заставлено разнообразными предметами. Помимо обычных для автолюбителя инструментов и наборов запасных частей, виднелись какие-то полуразобранные кресла, пустые рамки для картин и прочий некомплект. Среди этих завалов совершенно терялся чугунный, каслинского литья рыцарь с отбитой правой рукой и расколотым пополам щитом.

– Что этот ветеран тут делает?

– Что может делать рыцарь? – ответил хозяин, примеряясь приподнять чугунную громадину. – Сторожит.

Володзимеж приблизился, чтобы помочь, и вдвоем они сдвинули побитую статую в сторону.

– Это не простой рыцарь, – антиквар по пояс погрузился в открывшееся пространство и поднял доски, на которых прежде покоился полуметровый чугунный монстр. – Клади свой меч сюда.

– Тайник? – восхищенно осведомился европеец.

– Какое там. Просто, чтобы посторонним на глаза не попадалось. Кстати, этот рыцарь однажды здорово меня выручил.

– Да?

– Жулики в окно полезли... Лет десять назад это было. А рыцарь стоял на подоконнике и упал сверху. Тогда и пострадал.

– А жулики?

– Тоже.

Володзимеж представил впечатления бедных правонарушителей, которые хотели всего лишь приятно пожить, но тут на их головы внезапно (!), со страшным скрежетом, из темноты (!) рухнула чугунная статуя с занесенным мечом... Представил и мысленно посочувствовал бедолагам.

* * *

Запрятав саблю, чешский гость решил, что заодно неплохо было бы избавиться и от громоздкого баула. Переложив в карманы самое необходимое, то есть деньги и документы, он запихал остальное в дыру под чугунным рыцарем, бодро вышел на солнечный свет и с удовлетворением понаблюдал, как антиквар тщательно запирает замки.

Теперь, ничто не мешало отправиться навстречу приключениям.

Несмотря на затрапезный вид, детище советского автопрома двигалось довольно бойко и вскоре уверенно влилось в общий транспортный поток. Впрочем, чешскому гостю сложно было оценить подробности, так как спинка сиденья, на которую он пытался опираться, запала назад и, кажется, приржавела в таком положении. Так что пассажир мог сидеть только в позе космонавта, стартующего с родной планеты. Кстати, и обзор был соответствующий – в поле зрения попадали в основном небо, облака и изредка верхушки деревьев, высаженных вдоль обочины дороги.

По федеральной трассе ехать было легко. Чтобы утреннее солнце не било в глаза, Юрий нацепил на нос очки с затемненными стеклами и приобрел отдаленное сходство со Шварценеггером в фильме «Терминатор».

– Расскажи что-нибудь о себе, – попросил Володзимеж, лишенный возможности любоваться мелькающим за окнами пейзажем. – Где учился, работал...

– Да все, как обычно, – ответил антиквар, управляя автомобилем с той небрежной легкостью, которая выдает подлинное мастерство. – До 14 лет жил в деревне у деда. Закончил восьмилетку. Потом ГРУ.

– Что? – от неожиданности европеец, наслышанный о таких знаменитых российских аббревиатурах, дернулся и довольно сильно ударился головой о боковую стойку.

– Не волнуйся, – утешил автовладелец, невозмутимо глядя на дорогу. – Не Главное разведывательное управление, а Городское ремесленное училище. Получил специальность фрезеровщика, потом токаря-расточника, потом – уже на зоне – оператора бензопилы. А ты на кого учился?

– Меня с самого начала ориентировали на исторический факультет Пражского университета. Дед говорил, что я обязан, дабы не посрамить.

– Угу.

– Разумеется, помимо учебы занимался спортом. Бокс, плавание...

– Я тоже пару месяцев в бокс ходил. Но потом, когда настучали по физиономии, бросил. Не понравилось.

– Так ты что, драться не умеешь? – поразился пражанин.

– Если б умел, не сидел бы за это.

– Как у вас сурово...

В этот момент дребезжаще зазвонил сотовый, лежащий на торпеде под лобовым стеклом. Не отвлекаясь от вождения, антиквар уверенной рукой цапнул телефон и поднес к уху.

– Да, я помню, вы мне звонили... Да, хорошо... Я приеду... Личная просьба: не могли бы вы пока закрыть икону каким-нибудь покрывалом? ... Если не трудно... Благодарю.

– Важный звонок? – поинтересовался терпеливый Володзимеж.

– Да. Надеюсь, не возражаешь, если мы немного отклонимся от курса?

– Надолго?

– Часа два-три...

Чешский гость посмотрел в потолок машины (с его сиденья туда смотреть было проще всего) и кивнул. Спорить не имело смысла. Если тайна золотого эшелона благополучно хранилась где-то почти сто лет, то пара-тройка часов задержки ничего не изменят.

Современная русская деревня представляет собой такой симбиоз роскоши и нищеты, что пресловутые империалистические «города контрастов» нервно курят в сторонке. Буквально на соседних земельных участках могут располагаться помпезный трехэтажный особняк с ажурной решеткой а-ля «Летний сад» и похилившаяся на бок хибарка с крышей, провалившейся, как спина у старой клячи.

Антиквар Юрий, несколько раз сверившись с записями в потрепанной канцелярской тетради, довольно уверенно нашел нужный адрес.

Дом, к которому подъехали, тяготел к подклассу хибарок. Имели место покосившаяся веранда, забор из посеревшего от дождей штакетника и крыша, крытая рубероидом. Но хозяйева в меру сил ухаживали за жилищем. Тут и там можно было видеть заботливо подложенные кирпичики, подставленные подпорки, колышки, подпирающие забор, и кусочки жести, защищающие фундамент от сырости. Палисадник заполняли пышно цветущие георгины.

На звук подъехавшей машины вышли хозяева. Рано постаревшая женщина городского типа и мужчина, который судя по манерам, всю жизнь проработал на заводе, а теперь остался не у дел.

– Вы Юрий? – с некоторым беспокойством спросила женщина у вышедшего из «Жигулей» антиквара. Похоже, ее озаботил непрезентабельный внешний вид прибывших.

– Да. Можно посмотреть икону?

Женщина перевела взгляд на чешского гостя, и это ее утешило. Европейец выглядел вполне платежеспособно.

– Проходите.

В доме было чисто и бедно. Мебель советского производства из разряда тех, что никогда не станет ценной, самотканые половички, герань на подоконниках.

Чешского гостя поразило, что пол имел заметный уклон к передней стене. Видимо фундамент просел и никакие внешние подпорки не исправляли этой беды.

– Мы бы не стали продавать, – сказала женщина, оправдываясь. – Но очень нужны деньги. Поэтому мы бы хотели...

– Все понял, – сказал Юрий. Он сейчас был похож на стрелку компаса, которая при любом повороте корпуса неудержимо обращается в нужном направлении. И взгляд его был нацелен на некий предмет на стене, очертания которого едва просматривались под наброшенным покрывалом. – Можно?

– Да, конечно.

В два шага антиквар оказался рядом с иконой и осторожно, точно боясь спугнуть, взялся рукой за край. Поверх покрывала.

Володзимеж наблюдал с интересом. Действия Юрия не укладывались в рамки какой-либо рациональной модели и вообще напоминали ритуал. Некое магическое действие.

Вот он коснулся иконы второй рукой. Прощупал что-то вдоль края сверху вниз. Затем, не отпуская хватку левой руки, подцепил покрывало двумя пальцами правой и стал потихоньку, миллиметр за миллиметром, стягивать ткань книзу.

Чем-то это напоминало партию в покер. Когда игрок, прикупив новую карту, прячет ее между своими и потом осторожно, боясь спугнуть удачу, по миллиметру выдвигает краешек, чтобы не то что увидеть, но то ли наворожить удачу, то ли предугадать то, что сдала ему судьба.

Минуты три прошли в полной тишине. Никто не вмешивался в священнодействие.

Наконец, как бы пресытившись предвкушением, Юрий осторожно снял покрывало и всмотрелся в изображение.

Да, как и обещали, то было «Рождество Богородицы». С ковчегом. 17 век. Старообрядческая.

Образ, словно впитавший в себя всю горечь прошедших столетий, был погружен в темноту, так что изображение едва просматривалось.

Но, безусловно, раз икону хранили столько времени, пряча и от посланников патриарха Никона, и от одетых в кожанки комиссаров, в ней было нечто особенное. И чешский гость, даже не вглядываясь подробно в каждую из изображенных фигур, почувствовал некую ауру, окружающую старинную доску.

– Что же, – сказал антиквар, – называйте цену.

Женщина, явно волнуясь, стиснула руки перед грудью.

– Наверное, это очень дорого, но мы узнавали в городе...

– Молодцы, – подбодрил антиквар, – правильно, что все выяснили.

– Мы понимаем, что просим много, – продолжила женщина, все так же волнуясь. Мужчина (судя по сходству лица, то был ее брат), желая приободрить, аккуратно придержал ее за локоть.

– Смелее!

– 80 тысяч.

Женщина рубанула цену с тем выражением отчаяния, с каким зимой прыгают в холодную воду. Тут же испугалась, что покупатели не примут названного и уйдут, оставив сделку не совершенной, и добавила угасающим голосом:

– Разумеется, мы готовы немного уступить...

– Видите ли, – вступил мужчина, – у нас Алеша – ее сын, был в Чечне и сейчас нуждается в реабилитации. Ира продала квартиру и уволилась с работы, чтобы за ним ухаживать. Но деньги кончаются. Поэтому мы решили...

– Все понятно.

Юрий залез во внутренний карман своей зековской куртки, извлек потрепанный бумажник и уверенной рукой отсчитал 16 радужных пятитысячных купюр.

Судя по вспыхнувшей в глазах женщины радости, она не ожидала, что все будет так легко.

Антиквар между тем отделил от своей пачки денег еще две купюры и протянул мужчине.

– Это вам комиссионные, за посредничество.

– Да что вы, – счастливо воскликнула женщина, – он же мой брат, какие комиссионные!

– Так положено. Пересчитайте.

Женщина, с озаренным радостью лицом, обернулась к столу, где на старой клеенке лежала фантастическая, как будто бы сияющая кучка новых хрустящих банкнот. Взяла их, прижала к груди.

– Пересчитайте.

Она начала считать, и Володзимеж заметил, как у нее дрожат руки.

Глава 7. Арест

Загрузив приобретение в багажник (там у Юрия обнаружилась застиранная простынка, в которую можно было паковать ценные вещи), наши искатели древних тайн взяли первоначальный курс – на Лысково.

Погода стояла не по-октябрьски солнечная, дорога вилась среди холмов, украшенных живописными кучами деревьев, одетых, как и обещал поэт, в багрец и золото.

– Все-таки нет ничего красивее России, – произнес антиквар, думая о чем-то своем.

Чех приподнялся, глянул вокруг и, укладываясь назад, на свое космическое кресло, не согласился:

– Ты Праги не видел.

– Не видел, – не стал возражать Юрий. – Но я, в общем-то, о другом.

– Да?

– Края здесь богатейшие. Раньше в Макарьеве (это на другом берегу Волги) ярмарка была. Торговали хлебом на всю Россию. Хлебом, заметь, не айфонами какими-нибудь или автомобилями бентли. И за счет простого хлеба вся округа процветала.

– Прошлое часто кажется идиллическим...

– Да я как антиквар говорю! Работал в этом районе. Иконы здесь были – залюбуешься! А кроме того мебель, фарфор... Иной раз зайдешь в дом, а там иконостас во весь красный угол. И одна икона лучше другой... Видно, что прежние хозяева копейки не считали.

Следующий момент. Сейчас все рвутся в столицы. В провинции жить не престижно. А в Лысково, между прочим, столетиями жили грузинские князья царского рода. Потомки библейского Давида. Не гнушались.

Больше скажу: они здесь жили самовластными правителями и округу обустроивали, не хуже чем Санкт-Петербург. Например, Вознесенская церковь в Лысково, возведена по чертежам того самого Монферрана*.

* *МОНФЕРРАН Август Августович (Огюст Рикар де Монферран, de Montferrand) [24 января 1786, Шайо, под Парижем, Франция – 28 июня (10 июля) 1858, Петербург], русский архитектор, декоратор и рисовальщик. Представитель позднего классицизма, его творчество знаменует переход от классицизма к эклектизму. По происхождению француз. С 1816 работал в России. Такие постройки Монферрана, как Исаакиевский собор и Александровская колонна, сыграли значительную роль в формировании ансамблей центра Петербурга.*

– Э-э, который строил Исаакиевский собор?

– Именно. Казалось бы – какое-то село. Провинция! Глубинка! И Монферран. И ничего, денег хватило. А мы сейчас на той же земле живем, как нищие. Отчего так?

Чех не ответил, только неопределенно пожал плечами.

– В Вязниках (это район, где я живу) такая же картина, – продолжил Юрий, неотрывно глядя на дорогу. – Когда-то там богатели не на нефти или газе, а на таком традиционном русском продукте, как лен. Выращивали, обрабатывали, производили полотно и гнали его в Европу, тесня знаменитое голландское. Дипломы имели с выставок в Париже и Чикаго. И, главное, с этого производства вся округа богатела, строилась, развивалась! Передовую технику вводили, училища строили для народа. А сейчас что?

– О следующем поколении антикваров заботишься?

– Да хоть бы и так. То, что создано в прошлые века ценится и всегда в цене будет только расти. А с нынешней эпохи не знаешь, что и взять.

Дорога между тем все вела и вела их на восток. Вот миновали богатый район Кстово, где, как во всяком месте, связанном с нефтью и ее переработкой, горели высокие газовые факелы. Этакий индустриально-жутковатый вечный огонь...

Трасса ветвилась, но Юрий хорошо знал маршрут и уверенно гнал свою машинешку к намеченной цели. Где-то через час (Володзимеж только-только начал дремать) на обочине трассы мелькнул синий указатель с названием «Кириково», а за ним сразу усиленный полицейский наряд на двух машинах. Страж правопорядка в пронзительно желтом жилете с буквами ДПС активно работал полосатой палочкой, и на обочине уже выстроилась небольшая очередь остановленных легковушек. На битую антикварную семерку сотрудник дорожной службы не среагировал, и Юрий беспрепятственно проехал мимо.

– Что там? – встрепенулся чех, каким-то образом, уловивший изменение в настроении спутника.

– Полиция, – сквозь зубы ответил антиквар.

– И что?

– Много полиции, говорю.

– Нас это как-то касается?

– Хотелось бы думать, что нет.

Чешский гость обеспокоенно заворочался и попытался сесть прямо.

– Да лежи ты, – остановил его Юрий. – Тебя в этом кресле со стороны не видно. Пусть думают, что я еду один.

Чех послушно лег, но физиономия у него сделалась, как у партизана, затаившегося в окопе под фашистским обстрелом.

– Ну-ну, не все так плохо, – поспешил ободрить его антиквар.

– Тогда зачем я должен ховаться?

– Просто предосторожность.

Между тем за окнами автомобиля мелькнула красивая стела с надписью «Лысково, 1410 год», и наши путешественники въехали на территорию скромного уездного городка, расположенного на четырех живописнейших холмах. Предки наши понимали толк в красоте и для своих поселений испокон веку выбирали места, где от роскошной панорамы буквально захватывало дух. Не случайно Лысково, получившее статус города только в 1925 году, насчитывает более 600 лет истории. Что по крайней мере вдвое больше, чем у столичного Санкт-Петербурга, считающегося у нас особо старинным и историческим.

Любознательный европеец, выглядывая из бокового окошка машины с осторожностью снайпера, маскирующегося на вражеской территории, пытался высмотреть какие-нибудь достопримечательности. Увы, его ждало разочарование. Вокруг дороги теснились лишь скромные двухэтажные домишки, явно нуждающиеся в ремонте, и кривые деревца. По обочинам с обеих сторон вились протоптанные в бурьяне тропинки, давно и безропотно выполняющие функции тротуаров. Словом, все здесь застыло в том виде, в каком было создано века полтора назад. Социалистический период добавил лишь паутину электрических проводов, изменил названия улиц на революционные и постарался раскулачить все, что выглядело хоть чуточку побогаче.

Вид на храм Вознесения Господня в Лысково

Юрий, хорошо ориентируясь в местной географии, несколько раз свернул в какие-то заросшие травой проулки и притормозил возле дощатого забора, на калитке которого красовалась табличка: «Осторожно, злая собака».

Володзимеж несмело приподнялся со своего места и сразу же, поверх крыш увидел нечто изумительное.

– Монферран! – вскричал он, простирая руку в сторону великолепного храма, чьи купола гордо возносились над провинциальными домишками лысковчан.

– Тише, тише, – остепенил его антиквар. – Людей напугаешь.

На звук подъехавшей машины из калитки вышел небритый мужчина в кирзовых сапогах, телогрейке и с топором в руках.

– Здравствуй, Михалыч, – приветствовал его Юрий, делая шаг навстречу и протягивая руку для рукопожатия.

– И тебе не хворать, – ответил небритый, откладывая топор и косясь в сторону европейского гостя. – Туристов возишь?

– Нет, это товарищ мой. Весточку мне привез от деда.

– А, – по виду Михалыча было ясно, что он сказанного не понял, но уточняющих вопросов задавать не стал. Весточку так весточку. – Ты по делу или как?

– По делу. Надо бы найти человека с редкой фамилией Забейлоб. Говорят, что живет где-то в здешних местах.

– Срочно? – поинтересовался небритый, снова искоса поглядывая на гражданина Чехии.

– Хотелось бы. А почему спрашиваешь?

– Время сейчас неудачное.

– Ты о полиции?

– Ага. Весь город полон. Без досмотра не въедешь, не выедешь. А ты вон иностранца привез... Он не покупатель случаев?

– Нет. Я же сказал – товарищ.

– Одно другому не мешает.

– Простите, – Володзимеж счел, что в разговоре скопилось слишком много недомолвок, косвенно связанных с его персоной. – Я хотел бы понять, что происходит. Почему вас беспокоит большое количество полицейских? И почему важно, что я – иностранец?

– А, – снова сказал Михалыч, – так он не в курсе?

– Не в курсе чего? – топнул ножкой чех.

– Ладно. – Мужчины переглянулись и кратко, в двух словах изложили ситуацию.

Факты были таковы:

На прошлой неделе трое злоумышленников забрались ночью в церковь в поселке Макарьево (это здесь рядом, на другом берегу Волги) и похитили знаменитую икону Божией матери в драгоценном серебряном окладе. Первое летописное упоминание этой иконы встречается в писцовых книгах 1624—1626 годов. И сказано так: «церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи деревянна верх шатром. А в церкви... за престолом образ Пречистыя Богородицы Владимирские на золоте».

Образ этот, имеющий в народе название «Избавительница», настолько был почитаем, что храм, в котором он пребывал, ни разу не закрывался даже в годы разгула советского атеизма.

Вознесенскую церковь, возведенную по чертежам Монферрана, не пощадили. В ней устроили водонапорную башню, сырость от которой погубила изумительные настенные росписи. Расположенный рядом Георгиевский храм переделали в склад стройматериалов.

Но «Избавительница»... К ней люди приезжали издалека, и ни разу, ни на один год богослужение перед ней не прекращалось.

И вот три удода позарились на драгоценный оклад и выкрали святыню.

Естественно, преступление получило широкий общественный резонанс. Вся местная полиция была поднята на ноги, из области прибыла особая бригада сыщиков, курируемая лично начальником ГУВД генералом Топтыгиным, а из Москвы приехал представитель Министерства Внутренних дел с обязанностью регулярно докладывать министру о ходе следствия.

При таком накале страстей небольшой городок буквально поставили на уши и с воодушевлением шерстили вдоль и поперек.

– О тебе спрашивали, – завершил рассказ Михалыч. – Сначала местные приходили с участковым, потом областные, а потом еще и телевизионщики.

– Телевизионщики-то зачем?

– Ну как же, у них теперь мода. Независимые расследования называется.

– Понятно.

– Так ты бы это, – Михалыч почесал небритую щеку и неодобрительно покосился на чеха. – Ты бы, Юра, не светился сейчас здесь. Посиди дома, пока все уляжется. Потом приедешь.

– Я что, должен прятаться? – возмутился антиквар. – С чего бы? Разве я украл чего-нибудь, или убил кого? Почему я должен бояться за порог выйти?

– Ну, это верно, – согласился Михалыч, смачно раздавив на шее присосавшегося комара. – Если понадобится, никакой порог не спасет. Они и домой придут.

– Ладно, все понял. Так что насчет гражданина с редкой фамилией? Поможешь?

– Неугомонный ты, – посетовал небритый. – Поспрашиваю, конечно. Только не слыхал я, чтобы в наших краях... Забейлоб. Он украинец, что ли?

– Его предки с Дона, – поспешил пояснить Володзимеж, который устал стоять болванчиком, не понимая ни косых взглядов, ни странных намеков. – Из казаков.

– Хорошо. Мне потом отзвониться, или сам заедешь?

– Разберемся.

– Ну давай.

– Давай.

Мужчины снова пожали руки, после чего небритый перехватил топор поудобнее и не спеша удалился в сторону забора с негостеприимной табличкой.

– Ну что, едем дальше? – предложил антиквар.

– Погоди, я хотел бы понять...

– Чего он на тебя косился?

– Ну да.

– Все просто. Краденую икону из Макарьевского храма никому из наших продать нельзя. Все же понимают, что это такое и каковы будут последствия. Другое дело, если продать за границу. А ты как раз иностранец. И приезжаешь со мной.

– То есть Михалыч решил, что мы преступники?

– Нет. Но он решил, что полиция именно так и подумает. Поэтому и предупредил.

– Понятно, – озадаченно протянул чех. – И что мы будем делать?

– Поедем дальше. Хочу озадачить твоей проблемой еще пару человек.

– Искать Забейлоб – не моя проблема, а наша.

– Именно. Поэтому я предлагаю не спорить попусту, а ехать дальше. Согласен?

Володзимеж не ответил, но гордо проследовал к машине.

Достоинство небольшого городка заключается в том, что здесь нет больших расстояний. Покрутившись по узким улочкам менее получаса, наши путешественники охватили все намеченные на маршруте точки, и Юрий развернул «Жигули» в направлении к дому.

– Постой, – тронул его за рукав европейский гость. – А разве мы не поедем в адресный стол?

– Какой стол?

– Ну, это место, куда можно обратиться, чтобы получить адрес и телефон разыскиваемого человека. Я думал, такое есть в каждом городе...

– При социализме были. А сейчас у нас сплошная тайна личности и контртеррористическая безопасность.

– В смысле?

– В смысле, что по нынешним законам надо сначала найти человека, взять у него письменное заявление, что он не против предоставить свои личные данные. И с этой бумагой обратиться по инстанциям. Тогда тебе, вероятно, дадут его телефонный номер.

– Как странно, – удивился чех. – А я тебя через адресный стол нашел...

– Seriously?

– Да. Пришел в полицию, рассказал о проблеме...

– И тебя не выгнали?

– Сначала хотели. Но потом пришел приятный молодой человек, пригласил в кабинет, внимательно выслушал... Очень помог, я ему благодарен.

– Какие интересные подробности вскрываются, – пробормотал Юрий, сворачивая в очередной проулок.

– Что-то не так? – озаботился Володзимеж.

– Да как тебе сказать... Кстати, ты меня по какой фамилии искал?

– Каледёнков. А что?

– Да так. Просто сдаётся мне, что приятный молодой человек, который тебя слушал, не имеет к полиции никакого отношения.

– А кто же он?

– Дело моего деда, колчаковца и белогвардейца, всегда находилось в ведении КГБ. Так что молодой человек, который умеет внимательно слушать, скорее всего...

– Чекист? – испугался европеец.

– Теперь это называется ФСБ.

– Матка Бозка!

На обратном пути, когда элегантная стела с надписью «Лысково, 1410 год» осталась уже позади, Юрий, бросив цепкий взгляд в зеркало заднего вида, плавно взял руль вправо, въехал на территорию автозаправки и затормозил посреди асфальтированной площадки перед круглосуточным магазином.

– Выходи из машины, – сказал он, не меняя тона, и сунул оторопевшему чеху в карман что-то тяжелое.

– Что?

– Сходи в туалет или куда-нибудь там.

– Но я не хочу!

– Тогда купи водички.

Юрий обернулся всем корпусом к недоумевающему чеху и тихо, но с нажимом процедил ему прямо в лицо:

– Иди из машины, сказал. И раньше, чем через полчаса не возвращайся.

Европеец, проникнувшись тем, что происходит нечто непонятно-угрожающее, нащупал ручку двери, вывалился из «Жигулей» и походкой Буратино направился магазину на заправке.

Полненькая продавщица встрепенулась, увидев входящего посетителя в добротном костюме.

– Могу я вам чем-то помочь?

В другой раз Володзимеж обязательно поиграл бы с симпатичной дамой в легкий флирт, но сейчас он был слишком занят. Пытался понять, что происходит.

– Диетической колы, – сказал он, машинально нащупывая бумажник и удивляясь, откуда в кармане взялась связка чужих ключей.

За его спиной взвизгнули тормоза.

– Ой! – воскликнула девушка. – Что это?

Чешский гость обернулся и через широкое стекло витрины увидел, три подъехавших полицейских автомашины. Первая, с эмблемами ДПС, подперла беззащитные «жигули» со стороны багажника. Вторая – микроавтобус ОМОН – затормозила перед капотом. Разом распахнулись все дверцы, и из ОМОНовского транспорта горохом посыпались спецназовцы в масках и с автоматами. Единым духом двое из них подлетели к антикварной семерке и, заломав руки, выволокли Юрия.

Картинка мелькнула как два кадра в кино, чех только успел моргнуть. А спецназовцы в масках, волоча согнутого в три погибели пленника, уже грузились в свой микроавтобус. Хлопнули двери, взревел двигатель, от резкого старта взвизгнули с пробуксовкой покрывки...

И все.

Пространство перед заправкой очистилось. Только машина ДПС да брошенные «Жигули» с полуоторванной дверцей и беспомощно задранной крышкой багажника остались сиротливо стоять посреди асфальтированной площадки.

– Что это было? – повторила девушка за прилавком, испуганно прижимая руки к груди.

– Сам не понял. Может быть, арест?

– Ой. А вы разве не с ним приехали?

– Я? – чех нерешительно переступил с ноги на ногу. – Просто попутчик.

И решив более не искушать судьбу, пошел прочь с заправки. Навстречу ему с трассы, уже заворачивал автомобильный эвакуатор.

Глава 8. Обвинение

Никогда прежде Юрий не бывал в этой комнате. Тем не менее, все в ней было до боли знакомо: голые стены, скудная, привинченная к полу мебель, маленькое зарешеченное окошко под самым потолком. Располагалось данное помещение в Изоляторе временного содержания (ИВС), каковой имеется при каждом отделе внутренних дел, и мысли навевало самые тягостные. Особенно у тех, кому уже доводилось бывать ранее в подобных апартаментах.

– Ну что же, – сказал здоровенный мужик в штатском, плотно усаживаясь за стол и поправляя лампу так, чтобы свет бил в лицо собеседника. – Давайте знакомиться.

Юрий хотел бы сказать, что в гробу он видел такие знакомства, но вслух, разумеется, ничего не произнес. Обстановка не располагала.

– Меня зовут Завьялов Юрий Николаевич, тезка ваш, так сказать... Я – старший следователь Лысковского РОВД и буду вести ваше дело.

– Какое?

– Что?

– Какое дело?

– Ну, это несерьезный разговор, – огорчился здоровяк. – Вы – человек опытный, должны понимать ситуацию.

– Какую ситуацию?

– Угу, – сказал следователь и мирно, как школьник за партой, сложил руки перед собой. – Стало быть, на чистосердечное признание рассчитывать не приходится. Так?

– В чем признаваться-то? Я обычный законопослушный гражданин, живу тихо, никого не трогаю...

– И даже не догадываетесь о чем речь?

– Ни сном, ни духом.

– Ладно, попробуем освежить вашу память.

С этими словами следователь (с его габаритами, ему бы не бумажки на столе перекладывать, а бревна ворочать на лесоповале) раскрыл пухлую папку, которую принес с собой и извлек из нее несколько скрепленных между собой листов. Юрий, хотя и был ограничен в движениях наручниками, пристегивавшими его к столу, отчетливо увидел, что это заполненный бланк допроса.

– Вот гражданин Триянов Александр Петрович, – все так же миролюбиво продолжил Завьялов, указав на бумагу, – на допросе показывает, что икону Владимирской Божьей матери из церкви села Макарьево он похитил, рассчитывая продать похищенное вам.

Полностью сотрудничая со следствием, задержанный Триянов сообщил также, что до момента преступления он неоднократно звонил вам по сотовому телефону. И вы давали указания о том, как лучше организовать кражу, а затем и сбыт похищенного.

– Ничего подобного я не говорил.

– Но сам факт переговоров признаете?

– Мне разные люди могут позвонить. Я развешиваю объявления о том, что покупаю старинные вещи, антиквариат, даю свой номер телефона...

– Ну да, ну да... Вот у нас справка из компании, обслуживающей ваш сотовый телефон. Пять звонков от Триянова до момента кражи и три после. Будете утверждать, что все это время вы беседовали о возвышенном?

– Ну, о возвышенном с ним говорить бесполезно. Не тот контингент. Но я пытался объяснить, что именно Макарьевскую икону красть не стоит.

– А какую стоит? – оживился следователь. – Ту, что обнаружили у вас в багажнике?

– Эту тоже не стоит. Я ее купил, она моя.

– Ваша позиция понятна. – Завьялов кивнул и вновь принялся шелестеть бумажками. – Вот тут у нас имеется еще один интересный документ. Зачитываю: «Антиквар Юрий (фамилии не знаю, но в нашей среде его называют „Юргис“) сообщил мне, что похищенную икону нужно хранить в подвале, чтобы ее никто не видел и не донес. Кроме того он пояснил, что полицейские посты, расставленные на дорогах, можно обойти, если нести икону на руках через лес. Так же он заявил, что большие деньги дать за икону не может, так как ее придется долго выдерживать в тайнике».

– Это, – следователь поднял голову и пристально взглянул на задержанного, – как вы уже догадались, очередные показания Триянова. Можете что-то возразить?

– Могу. А вы станете слушать?

– Почему же нет? – благодушно развел руками следователь. – Охотно выслушаю. Тем более, что до процедуры опознания у нас есть еще... м-м, – он взглянул на часы, – еще целых пять минут.

– Я уложусь в одну. Никаких икон я не крал, никаких законов не нарушил. А разговаривая с вашим Трияновым, объяснил, что похищенное лучше всего вернуть туда, откуда взяли. Можете записать это в протокол.

– То есть сам факт переговоров об иконе вы признаете.

– Ну не о возвышенном же с ним говорить...

– Понятно. Тогда сообщаю, что вы задержаны по обвинению в хищении предметов особой ценности, совершенном организованной группой. То есть по статье 164 УК РФ часть 2.

– Какое отношение ко мне...

– Я не договорил, – весомо произнес Завьялов, дав собеседника взглядом. – Вы по этой статье проходите, как организатор. Что наказывается лишением свободы на срок до 15 лет.

Повисло молчание. Следователь ждал какой-то реакции от задержанного, но тот молчал, погрузившись в себя.

– Отлично, – подвел итог Завьялов. – Переходим к процедуре опознания. Вы готовы?

Глава 9. Так вот ты какой, тамбовский волк...

– Я не розумею, что происходит, – говорил чешский гость, держась двумя руками за голову.

Он сидел за столом в доме Михалыча, куда в состоянии близком к остекленению пришел сразу после событий на автозаправке. Перед ним на затертой клеенке стоял пустой стакан, а небритый хозяин все в той же телогрейке сидел напротив и держал наготове початую бутылку водки.

– Давай-ка, еще соточку, – предложил он, видя, что поглощенная доза не оказывает желаемого воздействия.

– Нет, – европеец обеими руками отпихнул стакан и поднял на собеседника воспаленный взгляд. – Объясни мне, дурному...

– Да тут все понятно...

– Правда?

– Само собой. Гляди: украли очень дорогую вещь. Знаменитую. Власти не лопухнулись и жуликов поймали. Теперь, что получается: можно на этом деле не хило приподняться. Как же – о следствии министру докладывают! Телевизионщики, опять же, снуют туда-сюда. Значит, можно не только орден и звездочку на погон получить. Тут, если все грамотно построить, карьеру можно сделать. В Москву перебраться! В министерство! Это, брат, совсем другой уровень, тут есть за что рогом упираться.

– При чем здесь Юрий?

– А без него никак!

– Не розумею.

– Да все просто. Представь, генерал, который дело это под личным контролем держит, докладывает министру: вот, дескать, три баклана, утащили икону. Но мы их поймали. Такие вот молодцы.

Министр сразу вопрос: что у вас там за бардак, что любой занюханый воришка может беспрепятственно украсть вещь, являющуюся национальным достоянием? Почему не было охраны? И вообще, куда вы смотрели?

– И по шапке, – вошел в тему европеец.

– Точно. То есть вместо чинов и наград – выговор.

Теперь смотри, что получается, если включить в дело Юрия. Он человек известный, антиквариатом занимается больше 30 лет. Трижды судимый. И досье на него в ментовке такого размера, что один человек за раз не поднимет. Там целый шкаф, наверное, скопился. Или больше.

– Дальше, – подбодрил чех, оживая на глазах.

– И вот генерал докладывает министру. Дескать, матерый рецидивист, имеющий связи за границей, разработал операцию по подрыву экономики нашего региона. Это ж целый международный заговор! А мы их разоблачили. В кратчайшие сроки! Ура нам. И в дамки!

– То есть Юрий вообще никак не виноват. Вернэ?

– А кого это волнует? Когда замешаны такие интересы...

– Это большое облегчение.

Небритый взглянул на чешского гостя, как на человека, внезапно сошедшего с ума.

– Облегчение?

– В том смысле, что я в нем не ошибся. Он действительно порядочный человек.

– Можно подумать, это кого-то интересует.

– Нас интересует. – Володзимеж посмотрел внимательно на собеседника. – Согласен?

– И что?

– Неправильно, когда невиновного сажают в тюрьму.

– Ну, ты как ребенок, ей-богу...

– Мы должны его освободить! – заявил европеец, вскакивая и блестя глазами.

– Да, сейчас штурмом на СИЗО пойдем, – хмуро откликнулся небритый и, подумав, налил водки себе.

– Но есть же права человека. Страсбургский суд!

– Ага. И тебя заодно пристегнут. Ты как раз хорошо в международный заговор вписываешься... Натуральный чех. Находка для шпиона!

– А вы, разумеется, предпочитаете сидеть здесь и пить водку.

– Не суетись, Европа. Юргис человек опытный. Если понадобится – даст восточку.

– И что тогда?

– Тогда пойдем на штурм. Граната у меня есть.

* * *

Готов ли к процедуре опознания...

Следователь, задавший этот вопрос, погрузился в раскладывание на столе канцелярских принадлежностей, а Юрий задумался. Что значит его будут опознавать? Удостоверят, что он – это именно он, а не какой-нибудь Иван Иванович Пупыкин?

Изначально это следственное действие предполагает, что совершено некое криминальное деяние. Например, негодяй стукнул старушку по голове и цинично отобрал пенсию. Или угнал самолет. Или продал буржуинам главную государственную тайну.

Тогда свидетели и очевидцы могут прийти в полицию и посмотреть на задержанного, чтобы определить: похож данный человек на злодея, которого они видели на месте преступления или нет.

Но Юрий криминальных деяний за собой не знал, поэтому ему трудно было представить, что станут делать свидетели. Расскажут, что видели его, проезжающим на машине мимо церкви? Или поведают, что он говорил с кем-то по телефону?

Его размышления были прерваны довольно неожиданным образом. Дверь открылась, и вошел еще один мужчина в штатском, при виде которого Завьялов встал и принял подобие строевой стойки.

– Вы позволите, Юрий Николаевич? – демократично спросил вошедший, обращаясь явно к следователю, но глядя исключительно на задержанного. – Хочется повнимательнее рассмотреть... Вон какого зверя поймали.

– Как желаете, товарищ полковник, – откликнулся следователь, не меняя стойки и не ослабляясь от внешнего дружелюбия начальства.

– Ты там поди пока, готовь понятых, свидетеля. А я тут наедине... Не возражаешь?

– Никак нет, – четко ответил Завьялов и вышел.

Полковник взял стул, предназначенный для работников правопорядка, развернул его и сел верхом, крепко взявшись ладонями за края спинки.

Мужик он был коренастый, волевой и, судя по всему, не чурающийся возможности разыграть при случае один-два психологических этюда.

Сейчас, по его мнению, время было самое подходящее. Задержанного требовалось привести к пониманию того, что сопротивление бесполезно. Кто он такой? Одиночка. А против него кто? Система, опирающаяся на всю мощь государства. В общем, трепыхаться бесполезно, нужно просто расслабиться и принять обстоятельства, как данность.

Полковник был крепкий мужик. Чтобы подавить волю задержанного, он принял доминирующую позу, и уперся тяжелым взглядом в глаза сидящего напротив. Благо тот был заметно меньше ростом, сидел, скованный наручниками и, судя по тому, как пытался левой рукой придержать правую (при задержании ему что-то там вывихнули или сломали).

В общем, ситуация читалась однозначно.

Только вот Юрию было на это наплевать. Когда полковник принялся давить его взглядом, в нем включилась способность, которую он в обычной жизни старался маскировать. Способность долго и не мигая смотреть неотрывным взглядом в переносицу собеседника до тех пор, пока тот не почувствует, что у него закипают мозги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.